

Моръ (Моге), Томасъ, авторъ „Утопії“ (1478—1535). Сынъ виднаго адвоката, М. воспитывался въ домѣ кардинала Мортонса, раньше примиравшаго къ Ричарду III, потомъ въ званіи государственного канцлера усердно и ловко помогавшаго Генриху VII укрѣплять свой тронъ. Лѣтъ 15-ти М., по настоянію Мортонса, былъ посланъ въ оксфордскій унив., бывшій тогда центромъ англійскаго гуманизма, и со всѣмъ пыломъ молодого увлеченія отдался „новому просвѣщенію“. Впослѣдствіи онъ близко подружился съ Эразмомъ, и въ его домѣ Эразмъ писалъ свою „Похвалу глупости“ (1510). Въ университетѣ М. пробылъ не болѣе двухъ лѣтъ; отецъ торопилъ съ практической карьерой, и М., пройдя положенную адвокатскую выучку, въ 1500 г. былъ принятъ въ корпорацію. Онъ быстро выдвинулся какъ практическій юристъ, но въ то же время выступалъ съ рядомъ лекцій о блаж. Августинѣ, собиравшихъ всю тогдашнюю интелигенцію Лондона. 26-ти лѣтъ, въ 1504 г., онъ былъ выбранъ въ парламентъ и сразу увлекъ палату своими неслыханно-смѣльми по тому работѣльному времени разоблаченіями беззаконій, которыми пользовался Генрихъ VII, чтобы выжать изъ страны побольше денегъ. Въ результатѣ всегда послушныя общини отвергли субсидію. Это

выступленіе стоило бы М. головы, настолько великъ былъ гнѣвъ противъ „безусаго юнца“, но по формѣ рѣчъ его была совершенно неуязвима, и вмѣсто сына поплатился отецъ: подъ какимъ-то вымышленнымъ предлогомъ его оштрафовали на большую сумму и до уплаты томили старика въ тюрьмѣ. Но и молодому М. пришлось на время стушеваться. Повидимому, къ этому моменту относится пребываніе его въ монастырѣ (хронологія и самые факты ранней біографіи М. плохо выяснены); рассказываютъ, что въ монастырѣ М. проявлялъ исключительн. аскетизмъ, какъ ни плохо это вяжется и съ общимъ настроениемъ гуманизма и съ далеко не монашескими мотивами раннихъ „эпиграммъ“ самого М. Во всякомъ случаѣ, въ 1505 г. М. уже опять жилъ въ Лондонѣ, женился и съ громаднымъ успѣхомъ занимался практикой. Только отъ политики онъ долженъ былъ держаться въ сторонѣ, зато онъ усердно перелагалъ на латинскій яз. сатирика Лукіана, одного изъ любимѣйшихъ своихъ писателей, и снабдилъ его „Tugannicida“ язвительнымъ антимонархическимъ комментаріемъ. Однако, когда на престолъ вступилъ Генрихъ VIII, М. привѣтствовалъ его восторженной одой. Въ 1515 г. М., по представленію лондонскаго купечества, среди котораго пользовался исключительн. популярностью, былъ прикомандированъ къ посольству, отправлявшемуся въ Нидерланды, чтобы уладить разныя политическія и торговыя разногласія. Здѣсь, во время перерыва въ переговорахъ, онъ написалъ главную часть своей „Утопії“; по возвращеніи въ Англію онъ ее окончилъ и издалъ въ 1516 г. на латинскомъ яз. въ Лувенѣ; потомъ она была переиздана, также на латинскомъ яз., въ Парижѣ, Базелѣ, Венеції, въ 1517—1519 г.; послѣ того „Утопія“ при жизни М. больше, повидимому, не выходила (по-англійски она появилась лишь въ 1551 г., въ перев. Робинсона). Въ 1519 г. М., по настойчивому приглашенію Генриха VIII, поступилъ на коронную службу и черезъ 10 лѣтъ, въ 1529 г., послѣ сверженія Уолсли, былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ. Это была скорѣе дружба, чѣмъ служба, обаяніе великаго ума и таланта. Всего больше,

быть может, Генрихъ дорожилъ тѣмъ, что въ другъ гуманистовъ и авторъ „Утопії“ онъ неожиданно обрѣлъ горячаго соратника въ борьбѣ съ реформацией. М. несомнѣнно принималъ участіе въ составленіи памфлета короля противъ Лютера, затѣмъ взялъ на себя защиту Генриха противъ отвѣтного памфleta Лютера („Vindicatio Henrici VIII“ подъ псевдон. Gulielmus Rosseus). Всокрѣпъ онъ выступилъ и противъ англійскихъ реформаторовъ, написалъ „Діалогъ о ересяхъ“ (1528) и, когда появилось „Моленіе за бѣдныхъ“ („Supplication for the Beggers“, ок. 1529, припис. Симону Фишу), направленное противъ католического духовенства, выступилъ въ защиту духовенства („Моленіе душъ“, „Supplication of the Soules of Purgatory“), хотя раньше въ „Утопії“ самъ не менѣе сильно обличалъ духовенство. Впрочемъ, споровъ по существу, всякихъ богословскихъ вопросовъ онъ тщательно избѣгалъ; это онъ предоставлялъ богословамъ и не столько защищалъ старое, сколько иронизировалъ надъ прозелитами новаго. Однако, памфлетами борьба М. съ реформацией не ограничивалась, и въ должностяхъ канцлера онъ пользовался для искорененія ересей всей предоставленной ему властью; было при немъ и нѣсколько случаевъ казни за пропаганду реформации. И не то особой злобой, не то горькой ироніей надъ своей неожиданной ролью палача свободной мысли звучать слова, имъ самимъ вписаныя въ свою эпітафію: „ненавистный ворамъ, убийцамъ и еретикамъ“. Говорить однако, что онъ добродушно смылся, когда жертвѣ его удавалось бѣжать изъ заключенія, и несомнѣнно, что съ отдельными протестантами-иностранцами, пассивными еретиками, не агитаторами, какъ съ Гольбейномъ, онъ попрежнему поддерживалъ дружбу и часто оказывалъ имъ и гостепріимство и покровительство. Во всякомъ случаѣ, посылая другихъ на казнь за ихъ проповѣдь, онъ и самъ легко пошелъ на плаху за то, что защищалъ. Когда разногласія короля съ Римомъ очень обострились и стала обозначаться полный разрывъ съ католичествомъ, М. отказался отъ канцлерства. Герцогъ норфолькскій долго убѣждалъ его смириться, напоминаль,

что гибель короля—это смерть, но отвѣтъ М. былъ: „Разница, милордъ, лишь та, что я умру сегодня, а вы завтра“. Это „сегодня“ наступило очень скоро. Сначала (1533) хотѣли приплести М. къ т. наз. „заговору дѣвъ изъ Кента“, но обвиненіе было слишкомъ нелѣпое, и отъ него пришлось отказаться. Тогда отъ М. потребовали присяги акту о престолонаслѣдіи, потомъ новому акту о супрематіи. Первому акту онъ соглашался присягнуть, но съ оговоркой, исключавшей признаніе первого брака короля незаконнымъ; акту о супрематіи онъ решительно отказался присягать, хотя за это въ самомъ законѣ прямо назначалась смертная казнь. 15 мѣсяцевъ держали М. въ тюрьмѣ, въ надеждѣ сломить его стойкость. 6 июля 1535 г. онъ былъ казненъ, встрѣтивъ и смерть саркастической шуткой. Онъ палъ мученикомъ за старую вѣру, и католическая церковь,—правда, черезъ много вѣковъ, въ 1886 г.,—причислила его къ лицу „блаженныхъ“. Но былъ ли онъ истиннымъ католикомъ? Въ „Утопії“ онъ безспорно отъ католичества очень далекъ; въ „Утопії“ явно сквозитъ пантеизмъ, эвдемонизмъ, но никакъ не католицизмъ. Правда, въ „Утопії“ онъ стоитъ также за вѣротерпимость, а въ жизни активно боролся съ протестантизмомъ. Но правы ли тѣ, кто считаетъ, что М. измѣнилъ идеалы своей молодости? Врядъ ли. И въ „Утопії“ вѣротерпимости поставлены строгіе предѣлы. И тамъ для народа, для массы онъ считалъ необходимой вѣру въ загробную жизнь; и тамъ отрицаніе этой вѣры лишало права на общественные должности; излагать такие взгляды разрѣшалось только предѣ учеными и жрецами, отстаивать ихъ предѣ „простымъ народомъ“ прямо воспрещалось, а пропаганда новыхъ религіозныхъ вѣрованій, даже христіанства, строго карается у утопіщевъ, вплоть до изгнанія, ссылки и обращенія въ рабство. Рабство, т. е. по существу категориальней работы, замѣняло въ „Утопії“ смертную казнь, и, посылая проповѣдниковъ реформации на эшафотъ, М. не�ль вразрѣзъ съ идеалами своей молодости,—еами идеалы его были со значительными оговорками. Больше идеалы были для большихъ умовъ. „Просто-

му народу" нужна незыблемая вѣра, его "недалекому уму" многое недоступно не только въ реальномъ настоящемъ, но и въ отдаленной Утопіи. Но при такомъ глубокомъ презрѣніи патриція духа къ уму толпы могъ ли коммунизмъ "Утопії" быть серьезной проповѣдью, возможно ли вслѣдь за Каутскимъ признать М. первымъ провозвѣстникомъ коммунизма? Какъ съ коммунизмомъ сочетать рабство, хотя бы для преступниковъ, самую преступность, соціальные корни которой М. такъ отчетливо сознавалъ, захватъ чужихъ территорій, войны, всякое предательство по отношенію къ врагамъ и всѣ эти многочисленные совѣты и рецепты, явно отвѣчающіе только интересамъ текущаго преходящаго момента? Какъ известно, большинство англійск. біографовъ М. считаютъ, что "Утопія" главн. образомъ имѣла въ виду именно текущій моментъ, что коммунизмъ въ большой степени служилъ лишь ширмами, отводомъ глазъ для слишкомъ смѣлой критики настоящаго и слишкомъ радикальной для тогдашней Англіи практической программы. Но врядъ ли въ этой программѣ лежалъ центръ интересовъ автора. Тогда не прошло бы такъ блѣдно и безрезуль-татно его канцлерство. Въ палліативы онъ всего менѣе вѣрилъ, превосходно сознавая, что все будетъ претворено въ дѣйствительности въ интересахъ господствующаго класса, и устами своего героя, путешественника-філософа Гитлодея, говорилъ: "Когда я мысленно обозрѣваю всѣ нынѣ существующія государства, я, поистинѣ, не вижу ничего другого, какъ одинъ заговоръ богатыхъ, устраивающихъ свои личныя дѣла отъ имени и по праву государства". Анализъ его шелъ глубоко, "мѣрка вещей" была большая и требовала полной перестройки всего, до фундамента, но силы, на то способной, не было. Дворянство и купечество онъ зналъ насквозь и добровольного отречения отъ классовыхъ интересовъ отъ нихъ не ждалъ. Нарождавшійся межклассовый абсолютизмъ онъ наблюдалъ слишкомъ близко, чтобы серьезно разсчитывать на пришествіе новаго Утопа, а народъ въ гла-захъ гуманиста быть стихійной силой, не творческой. Естественно, что безцѣльными казались всѣ попытки

реализовать идеалы, и жизнь ему, какъ Гитлодею, представлялась пошлой комедіей Плавта, въ которую смѣшно врываться съ патетической рѣчью Сенеки. Играть по писсѣ, какъ онъ рекомендуетъ своему герою, онъ оказался не въ силахъ и въ своей практической государственной дѣятельности сыграли почти что нѣмую роль (*mutam personam*); таковъ вѣдь былъ его другой альтернативный совсѣть. Но все же со своимъ негодованіемъ взыскательного зрителя онъ совладать не могъ, и горячее обличеніе "Утопії" несомнѣнно сыграло не малую роль въ развитіи соціальныхъ идей и соціального движенія. Въ этомъ отношеніи Каутскій безспорно правъ.— См. „Sir Th. More's Utopia“ ed. by Churton Collins (Clarendon Press, 1904); „Утопія“, пер. Генкеля (1905); „Каутскій, Т. М. и его Утопія“ (р. пер. 1905); Тарле, „Общественная воззрѣнія Т. М.“ (1901); Rudhart, „Th. M. aus den Quellen bearbeitet“ (1829); „The worke of Sir Th. M.“, ed. by Rastell (1557); болѣе современн. изд. соч. М. принадл. W. I. Walter (Baltim., 1841) и T. E. Bridgett („Wisdom and Wit of Blessed Th. M.“, Lond., 1891); Brewer, „Letters a. papers of the Reign of Henry VIII“, v. II, p. I (1864).